

УДК 821.0-2 (571.54)

ФОЛЬКЛОРИЗМ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ БУРЯТИИ

Мордвина Т.Н.

ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств» Министерства культуры РФ, Улан-Удэ, Россия, e-mail: tatjanamordvina@rambler.ru

Настоящая статья посвящена некоторым аспектам фольклоризма современной драматургии Бурятии, выявлению опосредованного воздействия устно-поэтических традиций на драматический текст. Основное внимание уделяется изучению роли фольклорных мотивов, жанров, персонажей в семантическом поле художественного дискурса, своеобразию использования им фольклорных традиций. В статье выявлена специфика и основные тенденции освоения и переработки устного народного творчества в художественных произведениях современных драматургов Бурятии. Установлено, что в отличие от бурятских драматических произведений середины XX в., где часто напрямую, почти без изменений использовались фольклорные сюжеты, в творчестве современных драматургов прием подражания фольклорным элементам заменяется творческим переосмыслением и на первый план выходит авторское творческое начало, что является несомненным достоинством и свидетельствует о высоком мастерстве современных драматургов.

Ключевые слова: бурятская драматургия, фольклоризм, фольклорные мотивы, С. Лобозеров, Г. Башкуев.

FOLKLORISM OF MODERN BURYAT DRAMA

Mordvina T.N.

East Siberian State Academy of Culture and Art, Ulan-Ade, Russia, e-mail: tatjanamordvina@rambler.ru

This article is devoted to some aspects of folklore in today's drama in Buryatia. Indirect effects of oral poetic traditions on the text of drama were studied. Special emphasis is placed on the role of folk motifs, genres, characters, the general use of folk traditions in the semantic field of literary discourse. The article reveals the specificity and the main trends of folklore use in today's works of Buryatia playwrights. It was found out that in contrast to the Buryat mid-twentieth century drama works where folk themes are used directly the works of today's playwrights replaced folk tradition imitation by its creative rethinking. It means that the author's interpretative comes to the fore, which can be considered an indisputable merit of today's playwrights showing high skills of drama writing.

Keywords: buryat drama, folklorism, folk motifs, S. Lobozerov, G. Bashkuev.

Исследование фольклоризма драматургии связано с выявлением влияния народного творчества на драматургические произведения в разные исторические периоды. Взаимосвязь литературы и фольклора в отечественном литературоведении и фольклористике является одной из актуальных и наиболее изучаемых проблем. Одной из основных причин обращения современных драматургов к фольклору является возросший интерес к национальной самобытной культуре. Отчасти это связано с тем, что в наш век всемирной глобализации для национального самосознания необходимо обращение к своим истокам.

Цель исследования: выявление специфики освоения и переработки фольклорной традиции в творчестве современных драматургов Бурятии.

Материал исследования: тексты пьес С. Лобозерова, Г. Башкуева, литературно-критические источники.

Методы исследования: сравнительно-генетический метод, обусловленный самой проблемой фольклоризма литературы, который является основным научным методом при

выявлении генетических связей фольклорных и литературных традиций. Сравнительно-генетический метод позволяет наиболее полно выявить использование фольклорных традиций в драматических текстах.

Содержание.

В период становления драматургии, а затем театрального искусства в Бурятии материалы устного народного творчества вводились в тексты драматургических произведений почти без изменений. Но постепенно, по мере развития бурятской драматургии возникает необходимость пополнения традиции иными приемами фольклоризма.

Многообразные связи фольклора и современной драматургии Бурятии начали принимать новые формы, так как связь литературы и устного народного творчества исторически изменчива и в отдельные периоды развития литературы формируются новые принципы обработки и освоения фольклорных традиций и мотивов. Если для драматургии 1960–1970-х гг. была свойственна фольклорная стилизация, использование отдельных мотивов и элементов, некоторых жанров фольклора, то для современной драматургии характерно использование всех вышеназванных типов заимствования уже ассоциативно. В творчестве современных драматургов прием подражания фольклорным элементам заменяется творческим переосмыслением.

Произведения, в которых использован подобный тип взаимодействия фольклора с драматургией, требуют особого внимания от исследователя, так как в них фольклоризм лежит не на поверхности и может находить свое выражение не столько в тексте, а больше в подтексте, в восприятии человека, природы, окружающего мира.

В творчестве драматургов середины XX в., к примеру в пьесах Н. Балдано, Ц. Шагжина, при использовании в литературных произведениях элементов устного народного творчества авторское начало проявлялось в наименьшей степени. В современной драматургии, напротив, творческое авторское начало играет ведущую роль. В творчестве современных драматургов, например Г. Башкуева, С. Лобозерова, использованы такие приемы заимствования, как ассоциация и трансформация, которые наблюдаются на уровне сюжета, композиции, жанра и персонажного ряда.

Творчество драматурга С. Лобозерова является ярким примером использования таких приемов заимствования фольклорных мотивов, как трансформация и ассоциация.

В драматургии С. Лобозерова фольклорные ассоциации возникают на уровне композиции, а также художественного образа и речевого портрета персонажей его пьес. К примеру, в ремарке, с которой начинается пьеса «Маленький спектакль на лоне природы»: «В доме Журавлевых. Обстановка наполовину стандартно городская, наполовину

традиционно деревенская...» [3, 87] видится установка автора на изображение сцены, в которой отчетливо определено соединение городского и деревенского быта, отсюда ассоциативно вырисовывается определенный подход писателя к освоению фольклорного материала. Также в качестве одного из значимых композиционных приемов в построении пьесы выступает образ окна как элемента, разделяющего границы сакрального пространства от профанного мира. Окно в фольклорной традиции выступает как око, и автор, используя образ окна как взгляд в собственную душу, в данном случае раскрывает внутренний мир героя пьесы, возвращая его к вечным философским вопросам о сути бытия.

По образцу мирового фольклорного сюжета о добром муже и злой жене выстроен характер взаимоотношений героев пьесы, сварливой Агриппины и ее наивного, не от мира сего мужа, которые ассоциируются с известными фольклорными героями. В них узнаются герои сказок или народной драмы (например, как в сказке А. С. Пушкина «Золотая рыбка»). Сказочные параллели подтверждаются автором и в визуальном плане: традиционно большая жена и маленький щуплый муж.

Фольклорные ассоциации часто встречаются и в пьесах Г. Башкуева, где они рождаются на уровне отдельных сюжетов, в типологическом приеме организации материала, в общей схеме развития сюжета, в лексическом и ритмическом своеобразии художественной речи драматургических произведений. Привнесение этнографической детали и тесно связанной с ней фольклорной линии на интертекстуальном и подтекстуальном уровнях значительно расширяет художественный мир драматурга.

В пьесе «СССР, или Союз Солдатских Сердечных Ран» Г. Башкуев обращается не только к образам и жанрам классического фольклора, но и к современному городскому фольклору. В пьесе использованы альбомные стишки, песни, кинофильмы, слухи, паремиологические единицы, анекдоты, образы Вечной Невесты, простака и т.д. Наиболее красочно и подробно в пьесе употребляются паремиологические единицы. Особые ассоциативные поля, связанные с основной темой пьесы – война и ее последствия, создают прямые цитации и аллюзии на известные песни и фильмы о Великой Отечественной войне. Г. Башкуев, ненавязчиво, с юмором используя фольклорные ассоциации и аллюзии, обнажает перед читателем пьесы социальные проблемы современности.

Пьеса Г. Башкуева «Сад камней» начинается с унылой картины: деревня, которая «силуэтом» домов отдаленно напоминает сад камней. Однако в отличие от японского сада, где можно наблюдать гармоничное расположение камней, созерцание очертаний домов российской глубинки не способствует обретению состояния покоя и умиротворения: «Избы с забитыми ставнями... Что-то случилось в годах налаженном быте, и вот уже заваливаются изгородь и жиденькая поленница, зияют дыры в стайке и летнике, небрежно разбросан по

двору хозяйский инструмент, валяются чурки, а сам хозяин, наполовину седоголовый Кеша, свернулся калачиком на крыльце, храпит в одном сапоге в обнимку с большим фибровым чемоданом» [1, 464].

Ремарка вводит нас в создаваемую автором атмосферу: «накрылся наш леспромхоз!», нет рабочих мест, «деревня спивается», «человек деградирует», «разрушены всякие ценности» [1, 465]. Эта ситуация нами воспринимается как небылица, ведь герои пьесы – жители старообрядческого села – люди, всеми силами старающиеся сохранить свои вековые традиции. Автор в пьесе «Сад камней» говорит о том, что реальность коснулась даже крепких устоев семейских и благодаря этому острее звучит проблема неспособности человека бороться с побочным эффектом цивилизации в отрыве от традиций.

Своеобразие сюжетно-композиционной организации фабульного материала пьесы во многом сходно с поэтикой фольклорных жанров, прежде всего сказки. Проводя параллели между кумулятивной сказкой и пьесой, замечаем схожие точки, начиная с экспозиции. Так, завязка действия в сказочном жанре возникает совершенно случайно и неожиданно. Так же начинается и действие в пьесе «Сад камней». Главные персонажи Саня и Кеша хотят опохмелиться, но жена Кеша не разрешает, так как вчера они пьяные сломали телевизор. Тогда Саня выдумывает историю о том, что в Японии у него есть родственник миллионер, который пришлет телевизор, если Саня его об этом попросит.

Тут же слух о японском родственнике Сани, как это и свойственно деревне, облетает всю округу, и Саня в глазах односельчан становится самым перспективным женихом, лучшим другом и т.д. На основе этого слуха все события нагромождаются друг на друга так быстро и в таких гротескных размерах, что Саня уже не может остановить слух, придуманный им самим. Подобная цепь событий и есть кумуляция, которая в сказочном жанре может закончиться катастрофой. И в пьесе подобный финал. Г. Башкуев как драматург не стремится к подделке народного стиля, а заимствует композицию и стержневую характеристику кумулятивной сказки.

Комичность происходящих событий (соблазнение бабки Таньки, подготовка к свадьбе с женой друга) стоит в контрасте со стремительным нарастанием вытекающих из них последствий и конечной катастрофой. Герои, посмотрев на свою жизнь со стороны, обнаруживают разрушение семейной жизни, забвение традиционных устоев, беспорядок в душе и в деревне:

Г а л я: Что ж мы, Кеша, натворили-то с тобой?

К е ш а: Сад камней.

Г а л я: А такое бывает?

К е ш а: Бывает. В газете читал, которую клеил.

Г а л я: А почему сад?

К е ш а: Они сидят в нем и думают, на фи́га столько дров наломали!» [1, 484].

Форма диалога, выбранная автором, не случайна, она передает общую ситуацию общения жителей деревни. В целом персонажи нам близки и симпатичны. Их образы ассоциируются с ловкими и находчивыми персонажами сказок, такими как Иван-дурак, мальчик-с-пальчик и иные, целью обмана которых было спасение слабых или себя самих. Однако в отличие от сказочных героев, персонажи пьесы идут на всякого рода ухищрения только ради выпивки.

Демонстрируя эти функциональные несоответствия, драматург использует фольклорные ассоциации для того, чтобы мы острее ощутили социальные проблемы современности.

В пьесе «Сад камней» явно ощущается влияние романа Г. Маркеса на творчество Г. Башкуева. В драме «Сад камней» название романа «Сто лет одиночества» превращается в поговорку, которая звучит из уст Сани – персонажа, казалось бы, самого необразованного, потерянного для самого себя и для общества человека.

«К е ш а (с тоской): Что же, мне тут так и жить? Как собака в конуре?

С а н я: Сто лет в одиночестве.

К е ш а: Гала, ты же обещала... Вот и Санька того самое...

С а н я: Сто лет в одиночестве» [1, 473].

Дождь в драме Г. Башкуева, как и в романе Г. Маркеса указывает на бесплодное прожигание жизни героев из-за растерянных нравственных ориентиров. Однако Г. Башкуев в своем творчестве синтезирует фольклор различных народностей, поэтому дождь в пьесе «Сад камней» не столь однозначен. Ориентируясь на бурятскую фольклорную традицию, драматург заимствует такую функцию дождя, как очищение, пройдя через которое, каждый из персонажей пьесы находит свою дорогу в жизни. Перевоплощение персонажей посредством очищения становится кульминацией произведения.

В финале, по закону жанра комедии и согласно фольклорному жанру сказки, побеждает добро, «быстро светает и становится видно, что окна ближних домов, ранее забитые, теперь открыты, кое-где в них горит свет» [1, 485]. Люди возвращаются в деревню.

Заключение. Исследование пьес современных драматургов Бурятии с точки зрения фольклоризма позволяет выявить степень их мастерства и самобытности, глубже проникнуть в ткань художественных произведений и осмыслить их с позиций общенародных и региональных фольклорных традиций. Фольклоризм современных драматургических произведений Бурятии проявляется на уровне жанра, художественных образов и мотивов.

Современная драматургия Бурятии демонстрирует широкий спектр художественных приемов и трансформацию традиционных жанров и мотивов.

В современной драматургии Бурятии обращение к фольклорным традициям является одним из актуальных методов изображения традиционного национального быта и регионального компонента. Фольклоризм в современных драматургических произведениях Бурятии представлен на уровне типологических соответствий. Проявление фольклорного материала в его различных формах определяется как своеобразие творчества конкретного автора, так и особенности закономерностей развития литературно-фольклорных отношений.

В современной драматургии Бурятии на уровне подтекста и интертекста используются образы, мотивы, отдельные сюжеты фольклора главным образом посредством приема ассоциации и трансформации, что выводит на первый план авторское начало.

Список литературы

1. Башкуев Г. Т. На переломе : публицистика, проза, пьесы. – Улан-Удэ, 2007. – 492 с.
2. Галданова Г. Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Сибирь : этносы и культуры (традиционная культура бурят). – М.; Улан-Удэ, 1998. – № 3. – С. 5–46.
3. Лобозеров С. Л. Маленький спектакль на лоне природы // Современная драматургия. – 1984. – № 4. – С. 87–109.
4. Мордвина Т. Н. Мифо-ритуальные и фольклорные традиции в драматургии Бурятии: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2009. – 24 с.
5. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – 326 с.
6. Современный городской фольклор. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2003. – 736 с.
7. Шаракшинова Н. О. Бурятское народное поэтическое творчество. – Иркутск, 1975. – 234 с.

Рецензенты:

Имихелова С.С., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» Министерства образования и науки РФ, г. Улан-Удэ;

Затеева Т.В., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» Министерства образования и науки РФ, г. Улан-Удэ.